

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-107-123

УДК 94

Марк Алмонд

Черчилль и дипломатия саммитов: модели военного времени для поддержания послевоенного мира

Аннотация. Участие У. Черчилля в Ялтинской конференции стало самым критикуемым эпизодом его долгой политической карьеры. Однако крупнейший и известнейший государственный деятель Британии XX в. последовательно выступал за «дипломатию саммитов» и до, и после 1945 г., считая встречи высших руководителей государств ключевым инструментом эффективного союзничества и снижения угрозы войны. Вернувшись к власти в 1951 г., Черчилль первым выступил за переход к политике разрядки между Западом и Востоком. Однако в обстановке обострявшейся холодной войны его предложения о новом саммите были отвергнуты как Белым домом, так и Кремлем. Гибкий и реалистичный подход У. Черчилля содержит важные и полезные уроки для сегодняшних государственных лидеров.

Ключевые слова: Вторая мировая война, саммиты, встречи в верхах, «дипломатия саммитов», Ялтинская конференция, У. Черчилль, «большая тройка», разрядка между Востоком и Западом.

«Первый этап состоит в том, чтобы создать дружественную атмосферу и чувства взаимного доверия и уважения. Трудности, выглядящие ныне непреодолимыми, могут стать просто неактуальными».

Уинстон Черчилль, февраль 1950 г.¹

«Конечно, было бы глупо возомнить, что есть хоть какой-то шанс сразу же добиться урегулирования всех острых проблемы, которые есть и на Востоке, и на Западе... посредством личных встреч, какими бы дружественными они ни были».

Уинстон Черчилль, выступление в Палате общин 3 ноября 1953 г.

Сведения об авторе: АЛМОНД Марк (ALMOND Mark) — британский историк, директор Института исследований кризисов в Оксфорде, бывший председатель Британской Хельсинской группы по правам человека, criox.editor@aol.com.

1 [Цит. по Dobson, p. 203]

В 1950 г. Уинстон Черчилль придумал термин «саммит» для описания встреч лидеров Великих держав в кризисные моменты. При этом он вспоминал не только о своих встречах с Франклином Рузвельтом во время войны, начиная с 1941 г. Хотя «особые отношения» между Британией и Соединенными Штатами были новым явлением, автору «Истории англоязычных народов» оно представлялось естественным. Что касается сотрудничества с коммунистами в лице СССР, то на протяжении своей предшествующей политической карьеры он его не предвидел, пока угроза цивилизации со стороны Гитлера не стала его основной заботой. Между тем в размышлениях Черчилля о саммитах именно встречи с Иосифом Сталиным в августе 1942 г., октябре 1944 г., а также знаменитый саммит «большой тройки» в феврале 1945 г. в Ялте фигурируют как архетипичные примеры¹.

На фоне разработки все более разрушительных видов оружия, апогеем которой стали испытания атомной бомбы, личные встречи лидеров без посредников виделись Черчиллю залогом разрядки международной напряженности и снижения риска войны. Тот же научно-технический прогресс, что создавал оружие массового уничтожения, облегчил проведение саммитов благодаря новым скоростным видам транспорта, прежде всего самолетам, позволившим созывать встречи глав правительств в кратчайшие сроки, независимо от расстояний между ними. В феврале 1945 г. и Черчилль, и Рузвельт прибыли в Крым на самолетах.

Черчилль прекрасно сознавал, что мирные конференции с участием глав государств и правительств случались в истории не раз: и Венский конгресс 1814–1815 гг., и Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. собирали вместе руководителей стран и министров иностранных дел, вместе с экспертами и советниками, с целью определения судьбы Европы после великих войн. Однако встречи, посвященные составлению мирных договоров для закрепления результатов военного конфликта, кардинально отличались от черчиллевской идеи саммитов более ситуативного характера. Продвигаемые Черчиллем встречи в верхах задумывались как реакция на событие, один из способов урегулирования кризиса. Их цель — достичь предварительной договоренности и не допустить неконтролируемого всплеска напряженности только из-за того, что лидеры позволили укрепиться недоверию вместо того, чтобы встретиться и обговорить проблемы.

Саммиты военного времени предназначались в первую очередь для решения насущных вопросов и выработки очередного этапа стратегии. Даже в Ялте, когда поражение нацистской Германии виделось уже неизбежным, обсуждение конкретных вопросов происходило со ссылкой на будущую итоговую резолюцию послевоенной мирной конференции (которая, однако, так и не состоялась). Это касалось и соглашения с Советским Союзом о создании ООН, многие из положений Устава и функций которой были

¹ В ходе следующего трехстороннего саммита антигитлеровской коалиции в Потсдаме (17 июля — 2 августа 1945 г.) Черчилля настигла печальная новость о сокрушительном поражении его партии на парламентских выборах, и с 28 июля Британию на Потсдамской конференции представлял новый премьер, лидер лейбористов К. Эттли.

определены позднее. Впоследствии, по мере нарастания конкуренции между Востоком и Западом в годы холодной войны, критики Ялтинских соглашений стали обвинять лидеров западных союзнических держав в «умиротворении» Сталина, напоминая «умиротворение» Гитлера Невиллом Чемберленом.

Как главный критик Мюнхенского соглашения, Черчилль болезненно реагировал на обвинения в том, что в 1945 г. он не был достаточно тверд в «холодном» противостоянии СССР. Однако настойчивость, с которой он выступал за продолжение встреч со Сталиным и его преемниками в руководстве Советского Союза, происходила не из самолюбия. Черчилль последовательно придерживался мнения о важности личных контактов с иностранными лидерами в периоды напряженности, в основе которого лежал длительный опыт.

Еще за три десятилетия до того, как Черчилль в начале 50-х, в самые мрачные годы холодной войны, в очередной раз настаивал на важности дипломатии саммитов, его политический наставник, премьер-министр от Либеральной партии (1916–1922) Дэвид Ллойд Джордж утверждал: «Если хотите решить вопрос, встретьтесь со своим оппонентом и обговорите этот вопрос с ним. Последнее дело — писать ему письмо» [Цит. по: Craig, p. 146]. А до начала Первой мировой войны, в 1908 г., Ллойд Джордж и Черчилль выступали за ведение переговоров о сдерживании гонки вооружений (между Британией и Германией) напрямую с императором Германии и канцлером Бернгардом фон Бюловым, в обход министерства иностранных дел, однако все их предложения были отвергнуты Берлином¹. Первоначальные неудачи были то ли позабыты Черчиллем, то ли расценены им как стимул к возобновлению усилий по продвижению личной дипломатии. Начало Первой мировой войны, по его мнению, продемонстрировало неготовность профессиональных дипломатов к активным действиям и сопряженным с риском инициативам ради остановки губительной спирали, приведшей к войне.

Профессиональные дипломаты были возмущены вторжением в свою сферу «любителя». Сын бывшего постоянного заместителя министра иностранных дел и автор популярного «введения в дипломатию» Гарольд Никольсон, вероятно, намекал на известное хобби Черчилля, образно выразив раздражение опытного дипломата поведением политика, берущего ответственность за переговоры на себя: «Искусство дипломатии, как и искусство живописи, серьезно пострадало от своей пленительности для любителей»².

1 Черчилль встречался с кайзером Вильгельмом II дважды: в 1906 и 1909 гг. Дипломатического результата эти встречи не принесли, однако позволили ему спустя 20 лет осознать, что Гитлер представлял собой политическую и военную угрозу совершенно иного уровня [См.: Roberts, p. 108].

2 В 1915 году Черчилль написал для журнала Strand Magazine эссе «Живопись», где обозначил свой подход к любимому искусству как к своего рода военной операции — не столько способу отвлекаться от беспокоящих его стратегических задач, сколько возможности дать выход подавленной агрессии. [См.: Churchill, 72. Nicolson's Diplomacy цит. по: Melissen, p. 9].

Черчилль, без сомнения, смог бы парировать, что изменчивость событий, особенно в военное время, — как и нанесение красок на холст — требует гибкости и мышления, не ограниченного строгими рамками бюрократической рутины. Вся его карьера была чередой успехов и неудач: одни его интуитивные решения окупались с лихвой, другие не приносили никакой выгоды или даже оказывались разрушительными. Точнее, так выглядел промежуточный итог его карьеры в конце 1930-х годов [См.: Rhodes].

Мюнхенский кризис 1938 г. и крах политики умиротворения изменили репутацию Черчилля в английском общественном мнении всего за полгода. До той поры его предостережения о нацистской угрозе оставались гласом вопиющего в пустыне¹. Причем объектом критики Черчилля были как раз упования Невилла Чемберлена на дипломатию в верхах. По иронии судьбы, именно критика мюнхенского саммита Чемберлена и Гитлера в сентябре 1938 г. обеспечила Черчиллю репутацию бесстрашного защитника справедливости в противовес прагматичной *Realpolitik*, тогда как его собственная роль в Ялте в 1945 г. стала, с нарастанием холодной войны, серьезным пятном на репутации британского лидера.

Стоит разобраться в том, насколько встречи Черчилля со Сталиным наследовали практике саммитов, введенной в 1938 г. Н. Чемберленом, и насколько те и другие саммиты различались.

Чемберлен был первым британским премьер-министром, напрямую вмешавшимся в область кризисной дипломатии через голову министра иностранных дел, профессиональных дипломатов и всего внешнеполитического ведомства. Лорд Галифакс не сопровождал Чемберлена ни в одном из трех его полетов в Германию в 1938 г., несмотря на неопытность самого премьер-министра в вопросах внешней политики. Чемберлен был в восторге, когда от столь «нетрадиционного и смелого» решения, не характерного для степенного премьера с его неизменными крылатыми воротничками (что, по словам язвительных комментаторов, делало его похожим на директора похоронного бюро), у его не менее чопорного министра иностранных дел Галифакса «перехватило дыхание» [См.: Faber, p. 337]. Однако Галифакс сомневался в эффективности личной дипломатии главы правительства, принимая во внимание отсутствие у того полноценной команды советников-экспертов и тот факт, что переговоры предполагалось вести на территории Гитлера и на условиях диктатора. После Мюнхена Галифакс в разговоре с коллегами заметил: «Желательно, чтобы у кабинета министров имелась возможность обдумать множество важных вопросов, поднятых в ходе визита премьер-министра в Мюнхен» [См.: Roberts *The Holy Fox...* p. 168]. Дело в том, что, договариваясь о встречах с Гитлером, Чемберлен действовал за спиной большинства своих высокопоставленных коллег, включая министра иностранных дел, ставя их в известность только после того, как фюрер подтверждал свое согласие на встречу. Однако Чемберлен не знал, что Гитлер в неофициальном порядке сообщил своим сотрудникам: он не

1 В своей речи о «железном занавесе» в Фултоне в 1946 г. Черчилль вспоминал, что за 8 лет до этого его предупреждения были проигнорированы, и заметил, что впредь не стоит отмахиваться от его пророчеств.

станет встречаться ни с кем из представителей Британии, кроме премьер-министра¹ [См. Reynolds, p. 49–50].

Отметим, что после встречи тет-а-тет с немецким диктатором на следующий день после подписания Мюнхенского соглашения Чемберлен выразил удивление по поводу настороженной реакции на его «беседу с герром Гитлером в прошлую пятницу». В Вестминстере ходили слухи о недовольстве Галифакса. Премьер-министр разыграл недоумение: «Не знаю, почему эта беседа должна давать повод для подозрений, а тем более для критики. Я не заключал никаких пактов. Не брал на себя никаких обязательств. Нет никакой секретной договоренности. Содержание нашей беседы не было враждебным по отношению к какой-либо из стран. Цель беседы, о которой я просил, состояла в том, чтобы постараться еще немного упрочить личный контакт, установленный мной с герром Гитлером, что, по моему мнению, имеет огромную важность в современной дипломатии. [Здесь и далее курсив мой. — М.А.] У нас состоялся дружеский и ни к чему не обязывающий разговор, который я, со своей стороны, вел во многом с целью увидеть, возможны ли точки соприкосновения между демократическим правительством и главой тоталитарного государства. Результат мы можем видеть в опубликованной декларации, не давшей моему достойному другу [Галифаксу] оснований для подозрений» [Prime Minister Chamberlain...]

Триумф Чемберлена и общественное одобрение, которое его действия по нейтрализации угрозы войны встретили в Британии, вскоре были сведены на нет пренебрежительным отношением Гитлера к своему партнеру по Мюнхенскому соглашению. В марте 1939 г. фюрер захватил Прагу, а сразу после этого обрушил свои требования на Польшу, заставив Чемберлена добавить стали своему политическому облику, хотя тот по-прежнему и не помышлял о сотрудничестве с советским «человеком из стали»².

Отказ от сотрудничества со Сталиным против Гитлера соответствовал настроениям и соратников Чемберлена по Консервативной партии, даже несмотря на резкое разочарование в политике умиротворения.

В реакции же Черчилля на Мюнхенское соглашение ключевым моментом было возвращение к требованию о сотрудничестве с Советским Союзом. После того как Бри-

1 Чемберлен даже положился на переводчика Гитлера. Также см. Reynolds, *Summits*, 421–22 о том, что историки также вынуждены полагаться на германских составителей протокола в вопросах о том, что именно было сказано.

2 В конце июня 1940 г., после падения Франции, в риторике Чемберлена уже слышались отзвуки знаменитых речей Черчилля того периода. Выступая по радио и отвергая теперь любые переговоры с Гитлером, он заявил: «Если враг попытается напасть на нашу страну, мы будем сражаться с ним в воздухе и на море, мы будем сражаться на пляжах, используя любое оружие, оказавшееся в наших руках. Возможно, тут или там ему удастся прорваться. Если так, мы будем сражаться на каждой дороге, в каждой деревне, в каждом доме, пока не уничтожим его окончательно». Поскольку Англия «без сомнения, благословлена Всемогущим Господом», настаивал Чемберлен, победа ей обеспечена. Черчилль, со своей стороны, выразил благодарность Чемберлену за его «необычайно вдохновляющее и решительное радиовыступление» [цит. по: Dilks, p. 84–85].

тания убедила Францию бросить на произвол судьбы Чехословакию, потерял смысл и союз последней с СССР. Черчилль надеялся, что Великобритания присоединится к франко-советскому блоку, чтобы противостоять нацистской экспансии.

С марта 1939 г. его стали особенно раздражать препятствия, создаваемые на пути общего антинацистского фронта польской правящей военной кликой, участвовавшей вместе с Гитлером в разделе Чехословакии и аннексировавшей Тешинскую область. После вторжения Гитлера в Польшу британская пропаганда изображала стоявшую у власти польскую военную верхушку отважными демократами — так же как образ «дяди Джо» позже использовался, чтобы замаскировать внутривнутриполитические реалии сталинского СССР. Однако Черчилль с самого начала подчеркивал, что война ведется в защиту человеческой цивилизации против нацистского варварства, а не ради спасения польского режима. Возмущение западных СМИ недавними комментариями президента Путина, касавшимися пакта о ненападении, который довоенная Польша заключила в 1934 г. с Гитлером, и ее участия в разделе Чехословакии в 1938 г., показывает, что остаточный эффект пропаганды военного времени сохраняется и 80 лет спустя.

Признание Черчиллем стратегической необходимости отставить в сторону антибольшевизм ради эффективного противостояния нацизму внесло раскол в ряды его ближайших соратников по античемберленовскому лагерю. Ллойд Джордж был единственным, кто признавал необходимость сотрудничества с Советами, однако и он превратился в сторонника политики умиротворения, когда убедился, что Великобритания и Франция на такое сотрудничество не пойдут, а Гитлер предложит сделку Сталину. Школьный товарищ Черчилля Лео Эмери способствовал преждевременному уходу Чемберлена из власти в мае 1940 г., призвав в Палате общин «выступить от имени Британии» лидера лейбористов вместо главы собственной партии, однако в октябре 1938 г. и он исключал возможность сотрудничества со Сталиным, несмотря на пророческие мысли о следующих агрессивных действиях Гитлера [См. Faber, p. 347]. Черчилля же отличала от большинства его единомышленников — противников политики умиротворения среди тори — способность, будучи «реакционером», не замыкаться в рамках антикоммунистического мышления.

Репутация Черчилля как антикоммуниста с первых дней большевистской революции известна всем, он сам не раз напоминал об этом и общественности, и своим советским собеседникам. Отношение к нему в СССР тоже едва ли можно было назвать благосклонным. К тому же, десятилетие, проведенное Черчиллем на обочине политики после 1929 г., не могло не давать Кремлю повод сомневаться в его реальном влиянии — в том числе в том, что касалось отрицательного отношения к Советскому Союзу.

Когда Сталин спросил о Черчилле у Джорджа Бернарда Шоу и Нэнси Астор во время их знаменитой поездки в Советский Союз в 1931 г., леди Астор заверила его: «О, с ним покончено»¹ [Цит. по: Roberts Churchill: Walking... p. 356]. Впечатление Черчилля от ди-

1 5 октября 1938 года леди Астор прервала выступление Черчилля в Палате общин, в котором он назвал Мюнхенское соглашение «нонсенсом».

пломатической стратегии советского лидера было столь же пренебрежительным. Сразу после сообщений о пакте Молотова-Риббентропа в августе 1939 г. Черчилль отозвался о его дальновидности так же презрительно, как и о Мюнхенском соглашении: «Сталин и его комиссары показали себя в этот момент простофилями, которых обвели вокруг пальца» [См. Roberts, Churchill: Walking... p. 456].

В отличие от других тори, однако, Черчилль не избегал встреч с советским послом в преддверии войны и даже позднее, когда он вернулся в правительство в качестве Первого лорда Адмиралтейства и вновь, как и в 1914–1916 гг., возглавил военно-морское ведомство. Открытость Черчилля в отношении Ивана Майского граничила с неосторожностью, учитывая враждебный настрой его коллег в правительстве к Кремлю, особенно после подписания советско-нацистского пакта.

В октябре 1939 г. Черчилль заявил Майскому, что «очень рад» тому, что республики Прибалтики находятся в сфере влияния СССР, а не Германии [Kotkin, p. 710]. 13 ноября 1939 г. во время обеда с Майским Черчилль заметил: «Я нахожу ваши требования к Финляндии совершенно естественными и нормальными», — упомянув также, что британское общественное мнение будет настроено не столь благосклонно [Kotkin, p. 719]. Правда, успешное сопротивление Финляндии в 1940 г. вдохновило Черчилля на ораторскую оду во славу того, «на что способен свободный человек...». «Множество иллюзий относительно Советской России рассеялись в эти несколько недель жестоких боев близ Полярного круга», — добавил он [Kotkin, p. 740]. Впрочем, согласие финнов с требованиями СССР в марте 1940 г. положило конец планам британского правительства вмешаться в конфликт на стороне Финляндии, высадив британские силы на севере Норвегии для их последующей переброски в Финляндию. Центральную роль в этой операции должен был сыграть находившийся в ведомстве Черчилля флот. Хотя план интервенции против Советской России в 1940 г. оказался не более успешным, чем 20 годами ранее, общественность судила Черчилля за эту неудачу не столь строго, как Чемберлена за катастрофически неверный курс в войне с Германией, и в мае 1940 г. Черчилль стал премьер-министром.

С момента же нападения Гитлера на СССР в июне 1941 г. Черчилль в публичных выступлениях ясно говорил о Германии как о противнике Великобритании, а о России как о ее союзнике, несмотря на свою прежнюю антикоммунистическую риторику. Однако хорошо известны его слова: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы по меньшей мере замолвил слово за дьявола...».

Одной из первоочередных дилемм, стоящих перед правительством Черчилля, была перспектива восстановления довоенных границ Советского Союза после победы над Гитлером. Уже в июле 1940 г. Сталин объявил послу Черчилля Стаффорду Криппсу, что Британии не стоит ожидать после войны возвращения Европы к довоенному статус-кво, поскольку прежний баланс сил ставил Советский Союз в «невыгодное положение» [Kotkin, p. 777]. Сталин намерен был сохранить Прибалтику, Молдавию и часть довоенной Польши, вошедшие в состав СССР в период пакта с Гитлером, что представляло проблему для Черчилля и его коллег, в свое время выступавших против такого развития событий.

Мгновенно поняв, что военные усилия СССР и жертвенная борьба его народов являются ключом к победе над Германией, Черчилль стремился избежать принятия решения по этим вопросам и, тем более, настаивать на принципе, способном расколоть антигитлеровскую коалицию. Он дал резкий отпор попыткам своих соратников в руководстве Консервативной партии, Антони (Энтони) Идена и лорда Кренборна, свести союз со Сталиным к минимальному сотрудничеству военного характера. Черчилль заявил им, что «отныне Россия вступила в войну, ее ни в чем не повинных крестьян уничтожают, а значит мы должны забыть о советской системе и Коминтерне и протянуть руку дружбы людям, попавшим в беду» [См. Roberts, p. 662]. Для Черчилля эта война была противостоянием человечества бесчеловечному врагу, угрожавшему всему миру.

Решение посетить Сталина в августе 1942 г. стало для Черчилля судьбоносным. В военных мемуарах он описал, как в течение долгого перелета из Тегерана в Москву «размышлял» об эволюции своего отношения к «этому угрюмому, зловещему большевистскому государству, которое [он] так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое до появления Гитлера считал смертельным врагом цивилизованной свободы» [См. Churchill Memoirs... p. 618–619].

В августе 1942 г.¹ в Москве Черчилль вступил со Сталиным в спор после неоднократных упреков со стороны советского лидера в неспособности союзников открыть второй фронт и недостатке у них воли к сражению с немцами, в отличие от Красной армии. Черчилль вспоминает, как воскликнул: в позиции Сталина «не чувствуется уз товарищества... Когда я говорил это, я был несколько возбужден, и, прежде чем сказанное мною успели перевести, Сталин заметил, что ему нравится тон моего высказывания» [См. Churchill Memoirs... p. 627–628]. Разумеется, Черчилль предчувствовал, каким разочарованием станет его признание в том, что второго фронта в 1942 г. не будет — «это было все равно что везти большой кусок льда на Северный полюс». Однако он «был уверен, что обязан лично сообщить факты и переговорить обо всем лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников» [См. Churchill Memoirs... p. 619].

Несмотря на свое увлечение современными способами передвижения — такими как авиаперелеты, — Черчилль скептически относился к тому, чтобы полагаться в деле выстраивания доверия между союзниками на телекоммуникации. В сентябре 1944 г., выступая в Университете Макгилла в Канаде, Черчилль заметил: «Сколь же неэффективным способом донесения человеческой мысли является корреспонденция, доставляемая телеграфом, при всей возможной скорости и удобстве нашей современной системы связи. Это просто мертвая глухая стена по сравнению с личным (он повторил эти слова) — личным контактом» [Цит. по: Plokhy, p. 21].

Франклин Рузвельт также неоднократно подчеркивал важность личных встреч между лидерами союзных держав. Сознывая силу своего обаяния, американский прези-

1 А точнее 13 августа, в годовщину сражения при Бленхейме (Гохштедтского сражения), которая была для Черчилля семейным праздником.

дент, возможно, переоценивал способность обратить ее во влияние на Сталина. Однако стоит отметить, что советский лидер, без сомнения, также приложил все усилия, чтобы обаять Рузвельта, избегая в общении с ним острых комментариев, которые он иногда адресовал Черчиллю. Элеонора Рузвельт отмечала, что в своей четвертой инаугурационной речи, произнесенной 20 января 1945 г., ее муж упомянул предстоящую встречу со Сталиным: «Мы познали простую истину — как сказал Эмерсон, “единственный способ иметь друга — самому быть другом”» [Цит. по: Plokhy, p. 6, 18]. Целями встреч между лидерами союзных держав были как выстраивание доверия, так и возможность оценить личные качества партнеров по коалиции. Просчет Черчилля и Рузвельта, вероятно, заключался в том, что они были не единственными, кто составлял психограмму сильных и слабых сторон партнеров по переговорам.

Еще одним важнейшим аспектом этих саммитов было заключение сделок. Самая печально известная и спорная из них была заключена в Москве в октябре 1944 г., когда Черчилль набросал свои предложения по разделу сфер британского и советского влияния на Балканах: 90% влияния Великобритании в Греции, обратная ситуация в Германии и так далее. Сталин предложил Черчиллю оставить клочок бумаги себе — в его архивах копии найдено не было. И хотя Черчилль ссылаясь на соглашение о процентах влияния в своей переписке со Сталиным, советский лидер никогда не признавал его силы.

После смерти Сталина Черчилль рассматривал октябрьский саммит 1944 г. в качестве удачного прецедента для возможных будущих встреч с советскими руководителями. 7 мая 1953 г. он писал американскому президенту: «Согласно моему опыту общения с этими людьми во время войны, мы добьемся большего на их территории, если отправимся в гости к советским представителям, и проиграем, попытаюсь обхаживать их у себя. Именно так было, когда мы с Энтони (Иденом) провели ночь в Москве в октябре 1944 г.». «Я убежден, — добавил Черчилль, — что двигать ими будут интересы, а не идеологические догмы» [The Churchill-Eisenhower... p. 50–51].

Черчилль неоднократно выражал восхищение стоившими огромных жертв успехами Красной армии в борьбе с вермахтом. Он осознавал, что 70% потерь немецкой армии были делом рук советских сил. В августе 1942 г. Сталин сказал Черчиллю, что коллективизация была для СССР «страшной борьбой», а война с кулаками длилась четыре года — гораздо дольше, чем продолжалась к тому времени война с немцами. Черчилль ответил тогда, что в будущем судьба кулаков будет забыта, поскольку «родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Сталина». В любом случае, писал Черчилль в мемуарах, «в условиях, когда вокруг нас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух» [См. Churchill Memoirs... p. 633–634].

Бездушное отношение Сталина к человеческой жизни Черчиллю как представителю власти было знакомо. В 1944 г. он сам фактически обрек на смерть бесчисленное число бенгальских крестьян, перенаправив предназначавшееся им продовольствие и транс-

порт для его доставки на обеспечение войск, сражавшихся с Японией¹. Когда в 1943 г. была опубликована немецкая версия событий в Катыни, Черчилль заявил Гарольду Никольсону: «Чем меньше об этом будет говориться, тем лучше», — и заверил советского посла Майского: «Даже если правота немецких утверждений будет доказана, мое отношение к вам не изменится. Вы отважный народ, а Сталин — выдающийся воин». Приоритетной задачей для британского премьера было «победить общего врага как можно скорее» [См. Roberts, Churchill: Walking with Destiny... p. 775]. Черчилль неоднократно воздавал должное масштабу советских военных усилий и огромной цене войны на Восточном фронте, оплаченной миллионами человеческих жизней. Он даже укорял Эйзенхауэра за его обеспокоенность рисками для англо-американских сил в связи с размещением на Сицилии накануне вторжения союзников двух дополнительных немецких дивизий: «Что бы сказал на это Сталин, когда на его фронте действуют 185 немецких дивизий?» [См. Roberts, Churchill: Walking with Destiny... p. 775].

Во время встречи в Ялте, когда Черчилль представил членов своей делегации, Сталин предложил фельдмаршалу Гарольду Александру, доложившему военную обстановку в Италии, перенаправить британские силы в Югославию и далее, чтобы они смогли встретиться с Красной армией под Веной. Черчилль заметил на это, что «Красная армия может не дать нам времени завершить эту операцию» [См. Preston, p. 115].

Если Черчилль в частном порядке уже начинал задаваться вопросом о том, остановятся ли войска Сталина в своем продвижении на Запад, Сталина преследовал страх сепаратного мира между Западом и Гитлером. Черчилль довольно быстро осознал, что второму пакту Молотова-Риббентропа не бывать, однако отдавал себе отчет в страхах Кремля, в то время как Гитлер надеялся на развал коалиции до безоговорочной капитуляции Германии. Когда было получено предложение Гимmlера о капитуляции перед западными союзниками, но не перед Красной армией, у Трумэна состоялся телефонный разговор с Черчиллем по специальной межатлантической телефонной линии. Британский премьер-министр настаивал на том, что немецкие войска должны сдать одновременно всем трем союзникам. Трумэн ответил: «Все верно. Я думаю точно так же». Американский президент проинформировал Сталина о предложении Гимmlера и об отказе от него Англии и Америки [См. McCullough, p. 379–380].

Пренебрежительное отношение к России было обычным явлением как в окружении Черчилля, так и среди официальных лиц других государств. Черчилль и сам был антикоммунистом до мозга костей, однако понимание, что Сталин ставит практические интересы России выше идеологических задач, привело британского премьера к мысли о возможности заключить с советским лидером сделку. Гитлер был готов скорее увидеть разгром Германии, чем отказаться от своих фанатичных убеждений. Сталин же в конечном итоге пошел на компромисс даже с Богом, ослабив хватку

¹ Западные историки подчеркивают ответственность Сталина за колоссальные человеческие страдания, однако закрывают глаза на готовность Черчилля пожертвовать мирными жителями ради блага империи. Например, Дж. Бест уделяет должное внимание первопроходству Черчилля в вопросах разрядки между Западом и Востоком, однако о голоде в Бенгалии даже не упоминает [Best].

в отношении религии и предоставив церкви законный статус, в котором до войны ей было отказано.

В коммунистической Польше слово «Ялта» было ругательным, а на Западе в период холодной войны использовалось для обозначения новой политики умиротворения. Но какова была альтернатива сценарию, в котором великие державы по своей воле определили границы стран Центральной и Восточной Европы, освобожденных Красной армией от нацистов и их пособников? Единственной альтернативой было — позволить хвосту вилять собакой. Вспомним, что до 1939 г. для восточноевропейских стран (за исключением Чехословакии и Югославии) была характерна сильная русофобия, и местные антикоммунистические силы легко согласились на пособничество Гитлеру (за исключением Польши). Сегодня антироссийская риторика в большинстве стран, именуемых после 1991 г. «новой Европой», отбросила следы антикоммунизма и стала откровенно шовинистической. Однако на исходе войны Черчилль был увлечен идеей примирить непримиримое, добившись одновременно безопасности для послевоенного СССР и восстановления независимости для малых государств¹.

К ужасу Идена, Черчилль заявил, что «скорее согласен с маршалом Сталиным в том, что права малых государств должны быть защищены, однако они не должны иметь права голоса в обсуждении важнейших вопросов» [Цит. по: Preston, p. 126]. Рузвельт играл на укоренившемся недоверии Сталина по отношению к Черчиллю как к империалисту и противнику коммунизма, а советский лидер ловко позволял американскому и британскому лидерам обращаться к нему как к арбитру в собственных спорах. Черчилль осознавал, что Рузвельт пытался добиться расположения Сталина в ущерб Британии. В 1943 г. в Тегеране Рузвельт разместился в здании советского посольства вместе со Сталиным и встречался с советским лидером наедине, без Черчилля, подпитывая подозрения Сталина в отношении намерений британцев отложить высадку союзников в Нормандии и сосредоточить усилия на Балканах. Черчилль лично встречался со Сталиным, чтобы опровергнуть это [См. Churchill Memoirs, p. 763].

В основе заключенного в октябре 1944 г. так называемого соглашения о процентах лежало беспокойство Черчилля в отношении будущего Балкан. Инициатива принадлежала Черчиллю, а Сталин, без сомнения, считал неуместным фиксировать подобное предложение в письменном виде — при этом оригинал документа, похоже, не сохранился.

Эта встреча в октябре 1944 г. проходила без участия Рузвельта, однако дух его витал вокруг Черчилля и Сталина. Именно Черчилль, хотя и был самым старшим по возрасту, гораздо чаще других членов «большой тройки» садился в самолет ради того, чтобы добиться расположения двух своих могущественных союзников. На чье-то замечание,

¹ Поражает спокойное отношение Запада к ностальгии по коллаборационистам в странах Балтии или на Украине, тогда как любой намек на возрождение фашизма в Западной Европе вызывает возмущение и осуждение. При этом пышные мемориалы членам СС, соответствующие музеи в Прибалтике или регулярные торжественные открытия памятников украинским коллаборационистам проходят для западных СМИ незамеченными.

что лидеры трех союзных держав напоминают Святую Троицу, Сталин ответил: «Если это так, то Черчилль, должно быть, Святой Дух, потому что он много летает» [Цит. по: *The Kremlin Letters...* p. 7]. Действительно, Черчилль считал эти трудные и порой опасные перелеты лучшим способом сохранить антигитлеровскую коалицию в целости и заклеить трещины, способные сыграть на руку общему врагу¹.

Черчилль, кстати, отнесся к соглашению о процентах влияния серьезно. В конце апреля 1945 г. в письме Сталину он выразил разочарование политикой Тито в недавно освобожденной Югославии по отношению к представителям роялистов из Лондона, а также тем, как Тито вместе с Румынией и Болгарией при поддержке находившихся в регионе советских военных отнеслись к британским интересам. «Нам не нравится терпеть от ваших подчиненных в этих странах обращение, столь отличное от того доброго отношения, которое мы в верхах всегда видели с вашей стороны», — сообщил Черчилль Сталину [Цит. по: *Plokhy*, p. 380].

Разочарование, вызванное возникшей сразу после войны напряженностью, не заставило Черчилля отказаться от стремления к контактам и решению проблем по модели, действовавшей в годы войны. Даже в своей фултонской речи 1946 г. Черчилль намекал на возможность преодолеть раскол между Востоком и Западом посредством саммита. Как напомнил он слушателям, в числе которых был и президент Трумэн, «британцы заключили договор о сотрудничестве и взаимопомощи с Советской Россией сроком на 20 лет, и я вполне согласен с господином Бевином, министром иностранных дел Великобритании, что срок действия этого договора может быть продлен до 50 лет — мы, по крайней мере, готовы на это. Нашей единственной целью в таких договорах являются взаимопомощь и сотрудничество». Он даже предложил идею создания военно-воздушных сил ООН с привлечением всех членов Совета Безопасности, разумеется, включая и Советский Союз [*The Sineews...*]. В Фултоне Черчилль подчеркнул: «Я лично восхищаюсь героическим русским народом и с большим уважением отношусь к моему товарищу по военному времени маршалу Сталину. В Британии — как, я не сомневаюсь, и у вас в Америке тоже — с глубокой симпатией и искренним расположением относятся ко всем народам всех Росий. Невзирая на многочисленные разногласия с русскими и возникающие в связи с этим проблемы всяческого рода, мы намерены и в дальнейшем укреплять с ними дружеские отношения. Нам понятно желание русских обезопасить свои западные границы и тем самым устранить возможность новой германской агрессии. Мы рады тому, что Россия заняла принадлежащее ей по праву место среди ведущих стран мира. Мы рады видеть ее флаг на широких просторах морей. А главное, мы рады, что связи между русским народом и нашими двумя родственными народами по обе стороны Атлантики приобретают все более регулярный и прочный характер»².

1 О регулярных подъемах температуры и малых инсультах, которые случались у Черчилля в этих длительных перелетах на примитивных переоборудованных бомбардировщиках см. работу Дж. Беста [*Best*, p. 191].

2 Вряд ли Сталин приветствовал высказанную Черчиллем идею расширения связей между Востоком и Западом вплоть до уровня контактов между обычными людьми, учитывая, что советская культура все больше склонялась к навязанному ей самоизоляции и ждановщине.

Конечно, Черчилль испытывал отвращение к коммунизму, и заглавие его речи о «железном занавесе» не вводило в заблуждение, однако при всей яростной критике репрессивной политики Сталина и его последователей в отношении Восточной Европы Черчилль разбавлял подозрения, основанные на прямых контактах с советскими лидерами, призывами не исключать возобновления сотрудничества. Стоит помнить слова Черчилля, которыми он фактически отверг классическую логику державной политики: «Общаясь в годы войны с нашими русскими друзьями и союзниками, я пришел к выводу, что больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную. Поэтому мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил». Вместо этого он призвал западных союзников к «искренней приверженности принципам, заложенным в Уставе Организации Объединенных Наций».

Приверженец политики умиротворения, занимавший тогда пост британского посла в Вашингтоне, лорд Галифакс приветствовал осуждение советской политики Черчиллем, назвав его речь «сильнейшей встряской для американских представлений после окончания войны», однако не был согласен с призывом Черчилля к переговорам Англии и США со Сталиным [См. Larres, p. 109].

В свою очередь, Черчилль настоятельно рекомендовал западным лидерам использовать американскую монополию на обладание ядерным оружием как преимущество в переговорах с Кремлем. Даже после того, как Советский Союз в 1949 г. испытал собственную атомную бомбу, Черчилль утверждал, что первенство США дает им возможность вести переговоры со Сталиным с позиции силы, пока опасность взаимного уничтожения еще остается делом будущего. Ни Г. Трумэн, ни К. Эттли не были согласны с Черчиллем [См. Larres, p. 128].

Победа Лейбористской партии на всеобщих выборах в июле 1945 г. сделала позицию Британии по отношению к Советскому Союзу более непримиримой. Черчилль и даже Иден выстраивали отношения с СССР, руководствуясь принципами прагматизма. Лейбористские лидеры, такие как новый министр иностранных дел Эрнест Бевин, долгие годы упражнялись в политическом армрестлинге с коммунистами — в профсоюзном движении и местной политике. В Сталине с Молотовым они видели международный аналог своих, британских оппонентов-коммунистов. Поэтому лейбористы легче приняли поворот в сторону холодной войны и охотно поддерживали все более жесткую линию Вашингтона в отношении СССР, на смягчение которой надеялся Черчилль, чередуя предложения о переговорах с призывами к военной готовности.

Готовность Черчилля попытаться наладить диалог со Сталиным в условиях нарастающей холодной войны пришлось не по душе его бывшему заместителю Клементу Эттли, несмотря на эффективную совместную работу двух политиков в военный период. Эттли поддержал позицию США, заключавшуюся в решительном отказе от переговоров со Сталиным. Только после своего ухода от власти и смерти советского лидера, в марте 1954 г., Эттли предложил начать переговоры с СССР ради снижения риска атомной войны [См. Larres, p. 122]. Перемена в позиции, вероятно, объяснялась освобождением Эттли, после его отхода от государственных дел, от влияния верхушки Форин офиса.

Теперь эти несменяемые чиновники занялись ведением бюрократической партизанской войны с преемником Эттли — Уинстоном Черчиллем.

Возвращение Черчилля на Даунинг-стрит в 1951 г. произошло на фоне нарастания напряженности, вызванного войной в Корее и потрясением от создания Советским Союзом атомной бомбы. Тем не менее Черчилль не отказался от идеи встречи со Сталиным. Администрация Трумэна же решительно отказывалась от любого варианта саммита с участием советского руководства. В январе 1953 г., за две недели до вступления в должность новоизбранного президента США Д. Эйзенхауэра, Черчилль встретился с ним в Нью-Йорке. Когда Черчилль предложил Эйзенхауэру начать президентский срок с переговоров со Сталиным, тот отреагировал вежливо, но в своем дневнике с сарказмом писал, что Черчилль «желал вновь пережить те дни Второй мировой войны, [когда] он с упоением ощущал себя восседающим, рядом с нашим президентом, на вершине своего рода Олимпа... и вершащим оттуда мировые дела» [Цит. по: Doran, p. 5].

Черчилль первым выступил за переход к политике разрядки между Западом и Востоком, однако его предложения о встрече между президентом Эйзенхауэром и тройкой советских лидеров первых послесталинских лет были отвергнуты как американскими союзниками, так и Кремлем, где не доверяли Черчиллю, видя в нем империалиста и родоначальника холодной войны [Larres, p. xvi]. Посольство США в Лондоне предупредило Госдепартамент о «настойчивом желании» Черчилля встретиться с новым советским руководством. Черчилль взял на вооружение слова Маленкова о «мирном сосуществовании», произнесенные им на похоронах Сталина. Американцы предполагали, что преемники Сталина продолжат его курс, и игнорировали любые признаки перемен в советской политике, включая амнистию политических заключенных и отказ от требования Сталина к британскому и американскому посольствам переместить свои штаб-квартиры из центра Москвы на окраины столицы [Larres, p. 191–192].

11 мая 1953 г. Черчилль заявил в своем выступлении в Палате общин: «Думаю, было бы ошибкой считать, что ни один вопрос не может быть улажен с Советской Россией, если или пока не улажены все вопросы... Я убежден, что конференция на высшем уровне между ведущими державами должна состояться без промедления». При этом премьер-министр указал на главные, по его мнению, препятствия к успеху саммита: «Такая конференция не должна быть перегружена тяжеловесной или непреклонной повесткой, а результатом ее не должны стать путаница и дебри технических деталей, рьяно оспариваемых пулом экспертов и чиновников...». Черчилль признавал невозможность достижения «твердых договоренностей», однако, поскольку угроза ядерной войны рисовала как народам, так и их лидерам перспективу уничтожения, считал, что «в худшем случае участники могли бы установить более близкие личные контакты», а «в лучшем случае мы бы могли дать мирную жизнь целому поколению» [Цит. по: Best, p. 294–295].

Оппозицию внутри британского правительства возглавлял высший чин Форин офиса Уильям Стрэнг. На его отношение к советской системе наложили отпечаток годы службы в британском посольстве в Москве во времена коллективизации и процесса над сотрудниками компании Metropolitan-Vickers. Взгляды Стрэнга на дипломатические

контакты с СССР определялись главным образом его враждебностью к советской идеологии. Подобно своим советским коллегам, он переписал историю собственной карьеры и вспоминал о своем якобы полном неприятии Мюнхенского соглашения, называя его теперь «катастрофой» и приписывая все печально известные фразы из составленного им публичного заявления 1938 г. редакторской руке Чемберлена [См. Reynolds, p. 88]. Годом позже Стрэнг прославился необычным для карьерного бюрократа МИД образом, проявив примечательную медлительность в вопросе переговоров с СССР летом 1939 г. Срыв этих переговоров, отвечавший ожиданиям Чемберлена¹, не помешал продвижению Стрэнга по службе: в 1953 г. он стал постоянным заместителем министра, то есть занял высший чиновный пост в дипломатическом ведомстве. Сохраняя непоколебимый скептицизм в отношении целесообразности переговоров с коммунистическими лидерами, Стрэнг играл теперь на нежелании министра Идена оказаться «на посылках» у Черчилля.

Имевшийся у Стрэнга опыт прямого общения с советским руководством обеспечил ему авторитет среди противников плана Черчилля возобновить встречи в верхах после его возвращения к власти в 1951 г., [Larres, p. 194]. Так, Стрэнг вспоминал, что «из всех диктаторов Сталин в личном общении более всех был похож на нормального человека. Когда мы видели его на конференции... его голос звучал негромко и ровно, поведение было спокойным, речь — некатегоричной. Он проявлял слегка игривое чувство юмора, его высказывания были емкими по форме, примирительными по тону, но непреклонными по содержанию. Он был как скала, и от этого его положение казалось более прочным, чем у его соперников-диктаторов» [Цит. по: Kotkin, p. 648]. Возможно, Стрэнг был прав, считая Сталина гораздо более трудным партнером по переговорам, чем Гитлер. Однако его нежелание возобновить переговоры с СССР не способствовало снижению риска превращения холодной войны в «горячую».

Высшая бюрократия британского МИД хорошо умела играть на соперничестве своих выборных политических руководителей. Иден был возмущен вмешательством Черчилля в международные дела, находившиеся в его ведении, и фактически часто ожесточенно вел свою собственную холодную войну против инициатив премьер-министра. При этом Идену не оставалось ничего другого, кроме как равняться на неуступчивых американцев, к которым в прочих случаях он склонен был испытывать недоверие из-за их антиколониальных позиций — что и привело его к краху в 1956 г., когда он бросил вызов Эйзенхауэру и Даллесу, начав операцию в Суэцком канале, завершившуюся капитуляцией перед Вашингтоном.

Вернувшись из Америки в 1954 г., Черчилль столкнулся с бунтом ряда членов своего кабинета. Они протестовали против телеграммы, в которой премьер-министр изложил принципиальное согласие на встречу с советским руководством и которая была отправлена в Москву без консультаций с кем-либо, кроме Идена. На практике желание

1 Еще 2 июля 1939 г. Чемберлен писал сестре: «Я настолько скептически отношусь к ценности российской помощи, что не думаю, что наше положение существенно ухудшится, если придется обходиться без нее» [См. Kotkin, p. 648].

Черчилля встретиться с Г.М. Маленковым за пределами СССР — где-нибудь в Европе — привело к тому, что советское руководство, глубоко погрузившееся во внутреннюю борьбу за власть с перспективой отстранения Маленкова, замяло предложение о саммите [Graaf].

Спустя 75 лет после Ялтинской конференции на Западе вновь продвигаются стереотипы времен холодной войны, представлявшие ялтинские договоренности новым Мюнхенским сговором. Более тонкий — и временами сугубо реалистичный — подход Черчилля, признававшего необходимость сотрудничества с Советским Союзом, в том числе после победы над нацистской Осью зла, по большей части оказался забыт.

Грешные западные лидеры иногда оказывались более достойными наследия Черчилля, чем нравственно безупречные, но политически негибкие. Почти через 40 лет после Ялты, как и в наши дни, президенты США следовали практике Чемберлена по отстранению собственных госсекретарей и ведению переговоров с лидерами открыто враждебных режимов лицом к лицу. Так, госсекретарю Ричарда Никсона Уильяму Роджерсу было позволено сопровождать американскую делегацию в Китай, но не разрешено участвовать в переговорах президента с Мао — в отличие от советника по национальной безопасности Генри Киссинджера, чьи тайные (скрывааемые от Роджерса) переговоры и проложили путь к проведению беспрецедентного американско-китайского саммита 1972 г. А 9 марта 2018 г., спустя всего несколько часов после того, как госсекретарь Рекс Тиллерсон заявил, что говорить о саммите между президентом Трампом и лидером КНДР Ким Чен Ыном преждевременно, США объявили об уже запланированной встрече! [См.: Smith-Spark, McKirdy]. Перефразируя слова Чжоу Эньлая о Французской революции, судить о значении этих американско-восточноазиатских саммитов еще слишком рано, однако сомневаться в их важности не приходится. Кто усомнится в том, что согласие с черчиллевским принципом «лучше разговаривать, чем воевать» — как он призывал в своей речи 26 июня 1954 г. в Белом доме — было более мудрым решением? Сегодня Черчилль определенно не побоялся бы взаимодействовать с конкурентами западных стран — он счел бы это долгом государственного деятеля.

Литература

- Berridge G.R.* Diplomacy: Theory and Practice fifth edition. Basingstoke. 2015.
- Best G.* Churchill: A Study in Greatness. new edition. London. 2002.
- The Churchill-Eisenhower Correspondence / Ed. Peter Boyle. 1953–1955.
- Churchill W.* Memoirs of the Second World War. N.Y. 1987
- Craig G.A.* The Professional Diplomat and His Problems, 1919–1939 // World Politics. 1952. Vol. 4. №. 2. P. 146.
- Dilks D.* The Twilight War and the Fall of France: Chamberlain and Churchill in 1940 // TRHS 5th series 28. 1978. Pp. 84–85.
- Dobson A.* Churchill's Cold War. The Search for a Summit Meeting // Diplomatic History. 2005. Vol. 29. Issue 1. P. 203.
- Faber D.* Speaking for England: Leo, Julian and John Amery — The Tragedy of a Political Family. London. 2005.

- Goldstein E.* Neville Chamberlain, the British official mind and the Munich Crisis // *Diplomacy & Statecraft*. 10:2–3. 1999. Pp. 276–292.
- Graaf P.* Diaries reveal cabinet revolt against Churchill // *Reuters*. 01.11.2007. — URL: reuters.com/article/idUSIndia-30265120071101 (date of access: 30/04/2020).
- Kotkin S.* *Stalin: Waiting for Hitler, 1929–1941*. London. 2017.
- The Kremlin Letters: Stalin's Wartime Correspondence with Churchill and Roosevelt / Ed/ Reynolds D., Pechatnov V.* New Haven. 2018.
- Larres K.* *Churchill's Cold War: The Politics of Personal Diplomacy* second edition. New Haven. 2002.
- McCullough D.* *Truman*. N.Y. 1992.
- Melissen J.* *Summit Diplomacy Coming of Age*. Discussion Papers in Diplomacy. Clingendael. May, 2003. — URL: peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/Clingendael_20030500_cli_paper_dip_issue86.pdf (date of access: 30/04/2020).
- Plokhy S.M.* *Yalta, the Price of Peace*. London. 2010.
- Preston D.* *Eight Days at Yalta: How Churchill, Roosevelt and Stalin Shaped the Post-War World*. N.York. 2020.
- Prime Minister Chamberlain, House of Commons, October 5, 1938 // The British Parliamentary Debate on the Munich Agreement.* — URL: mtholyoke.edu/acad/intrel/munich.htm (date of access: 30/04/2020).
- Resis A.* The Churchill-Stalin Secret 'Percentages' Agreement on the Balkans, Moscow, October, 1944 // *American Historical Review*. 83:2. 1978. Pp. 368–87.
- Reynolds D.* *Summits. Six Summits that Shaped the Twentieth Century*. N.Y. 2007.
- Rhodes J. R.* *Churchill: A Study in Failure, 1900–1939*. Harmondsworth. 1973.
- Roberts A.* *Churchill: Walking with Destiny*. N.Y. 2018.
- Roberts A.* *The Holy Fox: The Life of Lord Halifax* new edition. London. 2019.
- The Sinews of Peace ('Iron Curtain Speech')* // *International Churchill Society*. — URL: winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/ (date of access: 30/04/2020).
- Smith-Spark L., McKirdy E.* Tillerson changes tune after Trump accepts meeting with North Korea's Kim // *CNN*. 09.03.2018. — URL: edition.cnn.com/2018/03/09/politics/trump-kim-jong-un-north-korea-tillerson-intl/index.html (date of access: 30/04/2020).
- William Rogers: obituary // The Daily Telegraph*. 08.01.2001ю — URL: telegraph.co.uk/news/obituaries/1313706/William-Rogers.html (date of access: 30/04/2020).
- Young J.* Churchill's Bid for Peace with Moscow, 1954 // *History*. 73:239. 1988. Pp. 425–448.

Перевод с английского Дарьи Карпухиной.